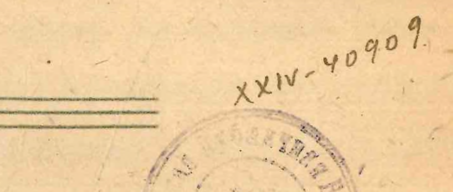
Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь“!

И. ЮРЕНЕВ.

НАШИ НЕСТРОЕНИЯ

(К ВОПРОСУ О ПРЕОДОЛЕНИИ ЭЛЕМЕНТОВ УПАДКА в Р. К. П.)

Губернское Агентство „Центропечать“.

Курск.—1920 г.

Вместо предисловия.

Брошюра, предлагаемая вниманию членов нашей партии, является слабой попыткой привести в известную историческую связь борьбу партии с разлагающими ее тенденциями, наростающими на протяжении последних полутора лет укрепления нашего советского государства. Написанная наспех, в течение нескольких дней, она не претендует ни в какой степени на исчерпывающую передачу наших „нестроений“ и не дает, ибо сейчас нельзя и дать—надежных рецептов оздоровления партии.

Автор сочтет свою задачу достигнутой, если этот первый опыт суммирования внутренних переживаний партии не останется единственным и вопросу о „борьбе за партию“ будет уделено то внимание, какого он поистине заслуживает.

К. Юренев.

Г. Курск,
19 октября, 1920 г.

НАШИ НЕСТРОЕНИЯ

(к вопросу о преодолении элементов упадка в Р. К. П.)

I.

Последняя всероссийская конференция нашей партии (22-26 сентября 1920 года) в специальном пункте порядка дня об „Очередных задачах партийного строительства“ подняла и поставила вопрос об оздоровлении партии.

Уже одна постановка этого вопроса говорила за то, что в наших рядах не все благополучно, что *мы слишком мало думали о партии* и что пришло время разобраться, чем она больна, насколько серьезна эта болезнь, и, поставив надлежащий диагноз ея, найти лекарства для излечения.

Для того, чтобы нам были более понятны болезненные процессы в нашей партии, надо бросить хотя бы беглый взгляд назад, на наше прошлое, на то, как партия сложилась и выросла в ту огромную силу, которая ныне фактически руководит мировым пролетарским революционным движением.

II.

Российская коммунистическая партия исторически и персонально со стороны руководящих своих элементов является продолжательницей дела левого большевистского крыла Р. С. Д. Р. П.

Формальный разрыв между большевиками и меньшевиками относится к 1910 г., когда была сделана последняя неудачная попытка примирить революционных социал-демократов с оппортунистическими элементами Р. С.-Д. Р. П. Там в специальной резолюции, принятой пленумом Ц. К., посвященной вопросу о „положении дел в партии“ (см. дневник социал-демократа № 11) говорилось: „сознание опасности обоих указанных уклонений и задачи их преодоления делают еще более необходимым восстановление организационного единства Р. С.-Д. Р. П., и это обстоятельство усиливает необходимость уничтожения фракционности, уничтожения всех более или менее орга-

низованных фракций и превращения их в течения, не нарушающие единства партийного действия. Резолюция была принята единогласно. Последствий желанных, разумеется, она не имела и осталась мертвой буквой. Фактически же партия окончательно раскололась после Всероссийской конференции 1908 г. Что к этому времени представляла со стороны своего внутреннего содержания наша большевистская партия?

Большевистская „фракция", партия тож—была в те годы, как и ныне, сильна своей дисциплиной. Она имела крепкое основное пролетарское ядро, прошедшее большую партийную школу и состоявшее из рабочих и интеллигентов, выделивших из своей среды не малое количество так называемых профессиональных революционеров.

Несмотря на то, что подпольные условия не давали нам возможности строить наши организации так демократически, как мы строим их сейчас—тем не менее чрезмерного отрыва партийных масс от верхов (не в теперешнем смысле этого слова) в годы под'ема революции не было. Этот отрыв обнаружился очень остро в период организационного развала партии. Ко времени последней общепартийной конференции Р. С.-Д. Р. П. (1908 г.) партийная работа шла неуклонно под гору. Победа царизма определилась по всей линии. Упадок революционной волны нашел свое живейшее отражение и в жизни партии. Она таяла с каждым днем. Большой процент активных работников, как из „низов", так и из „верхов"—пошел на каторгу, в ссылки, был заточен в тюрьмы и крепости. Но эта ликвидация революции—внешняя, механическая лишь совпала по времени с глубоким внутри—партийным кризисом. Разумеется, никакие репрессии не разгромили бы партию, если бы не было указанного кризиса. Стоит вспомнить 1903—1906 г.г. с их провалами партийных организаций и новым ростом. Главный процент убыли в партийных рядах в 1908 и последующих годах надо отнести на счет тех, „кто разочаровался" в победе, кто пережил несомненный внутренний психологический крах.

К этому времени относится почти поголовное бегство из партии интеллигенции.

Многие старые работники ушли из движения окончательно надорванными. Не мало их превратилось в Чеховских Ивановых, многие пошли в обыватели, многие остались социал-демократами большевиками, но их большевизм не шел далее отчисления тех или иных сумм в пользу партии (через вторые-третьи руки) или выступлений в царских судах в качестве защитников по политическим делам.

Большинство таких социал-демократов „культурников", „сочувственников", заменивших до известной степени безвозвратно ушедших в лагерь реакции „меценатов революции" из среды буржуазных классов, состояло из адвокатов, журналистов, врачей. Законсервировавшись, „щадя свои силы", они как-бы ждали момента, когда революция даст им возможность „легально" войти в массовое движение и в нем почерпнуть импульсы к дальнейшей борьбе. *Они нуждались в электризации со стороны победоносной революции и они ее в свое время получили.*

Многие из старых партийных работников ушли в земство, устроились в банках, министерствах, на заводах (в качестве „спецов"). Это была резервная, революционная армия, составленная из тех, кто покинул в свое время боевой фронт партии; она подошла к ней на подмогу лишь тогда, когда революция победила. Конечно лучше, поздно, чем никогда.

В течение долгих тяжелых лет с 1908 г. по 1912 г. нашей партии, это можно сказать без преувеличения, как организованной силы, не существовало.

Это не значит, что идейное, а иногда и организационное влияние партии на рабочие массы было ничтожным. Наоборот. Славной памяти газеты „Звезда" и „Правда" являлись об'единяющими и направляющими рабочее движение Центрами.

Начиная с 1912 года, партия получила широчайшую базу в виде непрерывно нарастающей революционной волны рабочего движения. Но под'ем последнего не вернул ей ушедшую интеллигенцию.

Вплоть до февральской революции 1917 г. партия не имела сколько нибудь значительного количества интеллигентов. Их было слишком мало и большая часть из них состояла из „молодняка" в смысле партийного стажа и подготовки. *В ре-*

волюцию 1917 г. партия вошла, имея довольно значительную, крепко спаянную массу рабочих, руководимых очень слабым, в России, как идейно, так и технически штабом. Руководящие органы были рабочие. Интеллигенция в них составляла незначительный процент. Идейный центр нацни партии и главные ее руководители, в течение многих лет оторванные от России, бывшие в эмиграции, только через несколько месяцев после февраля вошли в практическую работу, взяв на себя по праву руководящую роль в партии.

III

Февральская революция вернула партии значительное количество работников, бывших последние годы на каторге, в тюрьмах, в ссылке. Первые месяцы февральской революции *партия собирала свои силы* и закреплялась организационно. Все, что было здорового в революционном отношении—сконцентрировалось в ней.

Ко времени июльских событий партия, об'единяя несколько десятков тысяч лучших рабочих и сотни старых преданных партийных деятелей, жила широкой политической жизнью. Общие собрания, районные, митинги- -все это собиралось часто и своевременно и отнюдь не в порядке „принудительной повинности". О „верхах" и „низах", о бюрократизме речей не было и в помине. Партия не была разжижена нестойкими элементами.

Довольно крупные на поверхностный взгляд разногласия, возникшие на 6-м С'езде вокруг вопроса о том, совершится ли овладение пролетариатом властью через Советы или последние настолько выродились, сгнили, что революция—должна найти иные организационные формы—не имели *никакого практического значения* и т. *Ленин* (сторонник последней точки зрения), недостаточно хорошо учевшей неизбежность революционирования Советов по мере усиления на них атак контр-революции, отказался от своей *линии отчаяния.*

По мере приближения к октябрю партия становилась все большей творчески-разрушительной силой. Недоуменные вопросы некоторых тов. рабочих, ныне с отчаянием в голосе вопрошающих: „в чем же была сила партии в октябре"—могут получить один ответ—в энтузиазме пролетариата, в известной цельности партии со стороны ее состава.

Партия блестяще справилась с делом разрушения буржуазно-помещичьего строя России. Совершила это она при поддержке широких крестьянских масс, пошедших за нею, как за наиболее действенной и последовательной группой, сумевшей радикальнее других поставить и решить земельный вопрос. Ужасы дворянско-помещичьего угнетения вызвали в крестьянстве столь сильную „анти-господскую" реакцию, что в ней нашла себе опору социальная революция. Только благодаря активной, а еще чаще пассивной поддержке крестьянством в лице армии, октябрьскую революцию не постигла участь революции 1905 г. Крестьянство, „сорвавшее", если можно так выразиться, „демократическую" революцию 1905 г., в 1917 г. помогло пролетариату совершить социальную Это событие на первый взгляд кажется историческим парадоксом. Но в нем есть свой глубокий классовый смысл, говорящий, что социальная революция мыслима не только в странах передового „классического капитализма", а также и в „экономически" отстающих от них.

Крестьянство в своей подавляющей массе является действенно или потенциально не только сторонником сохранения частного товарного хозяйствования, но и всемерно тяготеет к расширению такового. Крестьянство—это „однодневка" в социальной революции; это активный фактор лишь в ее „прологе".

Справившись сравнительно очень легко с задачей ликвидации буржуазно-дворянского строя, освященного социал-предателями, коммунистическая революция в лице своего вождя нашей партии должна была перейти ко второй тягчайшей задаче—к созданию рабоче-крестьянской власти, к строительству советского государства.

IV.

Насколько мы были сильны, как разрушители старого порядка, настолько оказались слабы в роли строителей нового государства. В этом признании нет ничего уменьшающего роль и заслуги нашей партии—наоборот, лишь тем более великими должны быть признаны ее достижения. Подавляющее большинство наших старых партийных работников, с первых дней взятия пролетариатом власти в свои руки, оказалось в высокой степени затруднительном положении. Им пришлось уже не

только организовать массы для борьбы, не только вести агитацию словом и пером, но создавать государственную машину. Задача не легкая. Первый период существования советской республики может быть вообще назван „партизанским“ т. е. таким, когда мы намеревались своими средствами построить государственную машину.

Одев на себя тесный мундир государственности, наша партия сразу наткнулась на целый ряд величайших препятствий, стоящих на пути к социалистическому государству экономически отсталой и в сильнейшей степени истощенной империалистической войной—страны.

В истории нашего государства, а следовательно и партии можно установить с несомненной точностью два основных периода: первый „партизанский“ до лета 1918 г., когда партия была крепка, как своей внешней дисциплиной, так и внутренней спайкой, когда она жила широкой политической жизнью и когда государства в существе вещей не было; и второй—с 1918 г. по настоящее время, когда строилось и закреплялось советское государство.

„Партизанский период“ в истории нашей государственности характеризуется тем, что мы, не отдавая себе достаточно ясного отчета в тяжести выпавших на нас задач, пытались выйти из всех тягот по преимуществу „своими средствами“. Мы надеялись силами партии построить машину власти. Коммунистическая партия нами отождествлялась с советским государством. Это так и было в первый период нашего бытия. Налет партизанщины лежит на всем нашем советском строительстве этого времени и в первую очередь на Красной—армии. Истинным милитарным выражением коммунистической революции того времени была партизански-классовая Красная Гвардия. Государство мы хотели „опартиить“. Пришлось же в конце концов партию „огосударствить“. Партизанский период был изжит нами постепенно и не безболезненно.

Многие и многие из нас еще целиком были во власти идеологии большевизма времен Керенского—были привержены к комитетам, выборности и т. д. Короче—пытались сохранить политику нашей партии времени разрушительного периода и в эпоху создания своего государства. Такая попытка была явно нежизненна. „Партизанщина“ должна была исчезнуть и исчезла в силу повелительной необходимости для нашей партии *удержать* власть, а следовательно организовать государство в общем по готовым существующим в природе современного общества—схемам.

Переход нашей партии к работе по „государственному“ это и есть начало ее болезни: государство даже самое „советизированное“ имеет свою логику и соприкосновение с ним, а тем более строительство его не может пройти для партии бесследно. Надо иметь в виду, что строить государство нам пришлось, не имея в массе своей достаточного опыта широкой организационной работы. Силы же наши и вообще были не слишком велики. Пролетариат, прекрасно организованный со стороны классового *настроения*, не имел достаточно сильных профессиональных организаций и *в массе* за исключением тонкого передового слоя не мог явиться творческим в смысле созидания государства элементом. Не вина, разумеется, наша во всем этом, а беда. Наследие царизма в виде жуткой безграмотности не только крестьянских, но и пролетарских масс давало и дает чувствовать себя на каждом шагу. С такими силами мы взялись за величайшую задачу перестроить с низу до верху весь уклад огромной экономически-отсталой страны. Эту задачу мы еще далеко не выполнили, но выполнить должны и выполним. Наша партия сейчас может быть наилучшей иллюстрацией народнической теории „инициативного меньшинства“. Таким мы несомненно являемся. Есть величайший исторический „героизм“ в нашей партии, ломающей все преграды и ведущей за собою „толпу“ самых разнообразных в классовом отношении элементов.

Германский или английский пролетариат, если он,—в чем мы нисколько не сомневаемся—разрушит буржуазное общество своих стран—легче и скорее и без таких тяжелых жертв для руководящих партий создаст государственную машину. Пройти мимо этой формы организации власти пролетариата в данный исторический момент, по нашему глубокому убеждению, немыслимо. Взятие власти союзами синдикатами—это лишь одни приятные разговоры. Всерьез говорить об этом разумеется нельзя.

Тяжесть положения нашей партии с момента начала лак-

видации советской партизанщины заключалась не только в об'ективных условиях, в которых ей пришлось действовать. Перед нами стояла задача на базе мелко-буржуазного хозяйства и гибнущей промышленности с неизбежным последствием этого в виде распыления фабрично-заводского пролетариата — построить государственную машину, которая целиком была-бы направлена на служение интересам пролетариата.

V.

Начиная с лета 1918 г. государственный механизм Советской России, хотя скрипя и давая частые перебои, все же неуклонно шел к своему усовершенствованию. Построенный по принципу строгого централизма, будучи иерархической организацией, он априорно предполагал наличность управляющих и управляемых, при чем верхушка иерархической лестницы советского аппарата отделялась от ея основания многими и многими ступенями. Мало того. Переходя к серьезной строительной работе, мы не могли не наткнуться сразу на огромную, трагическую нехватку в работниках, обладающих специальными познаниями в тех или иных областях. Коммунистическая партия доселе не знала другой специальности, кроме политической и организационной работы в массах. Теперь ей пришлось подумать о инженерах, архитекторах, полководцах, знатоках „канцелярского производства" и т. д., и т. д. Не имея, за небольшими исключениями, этих специалистов в своих рядах—партия вынуждена была поставить вопрос об ассимиляции рабоче-крестьянским обществом представителей враждебных нам или в лучшем случае классово-безразличных по отношению к делу пролетариата социальных групп.

В этом привлечении к строительству советского здания лиц и групп, идейно, а часто и материально связанных с буржуазно-дворянским строем прежней Руси—нет ничего странного. Трезвый расчет прежде всего; сентименты некоторых пуритан не заслуживали серьезного внимания. История Великой французской революции дает нам пример подобного использования классом победителем знаний и опыта представителей побежденного класса. Как известно, победоносная французская буржуазия использовала для своих целей „спецов" из

бывших деятелей монархии Людовика XI. Правда, буржуазия в Великой Французской революции была во много раз сильнее, чем мы; она экономически вросла в феодально-дворянский строй; ея борьба с благородным дворянским сословием была в тысячу раз легче нашей борьбы, ассимиляция представителей монархического режима совершалась быстрее и безболезненнее. Это надо учитывать, занимаясь заманчивыми историческими аналогиями. К вопросу о „спецах" мы еще вернемся в дальнейшем. Сейчас нам надо констатировать факт психологического перерождения многих и многих членов нашей партии, попавших в качестве составных частей в государственную машину, процесс, который является фактом самого грустного порядка. Говорят „власть развращает", это несомненно верно, и на примере опыта последних $2^1/_2$ л. существования советского государства мы можем найти много фактов, подтверждающих вышеприведенное положение. Но беда не только в том, что многие члены партии усваивают себе чуждые духу коммунизма иерархические навыки; сама она в целом—внутри себя—отраженным ударом строится по государственному—повторяет государство. Последнее предполагает безоговорочное исполнение нашими органами—директив, даваемых высшими В государственной машине нет места рассуждениям, критике, там есть только исполнение. Партия наша, воспитанная в „строгих правилах" демократического централизма и дисциплины, по мере втягивания в государственную работу, все более и более переставала жить политической жизнью, становясь подсобным органом государства. Руководящие круги партии невольно переносили усвоенные ими иерархические навыки, приобретенные на Советской работе и в партию. „Руководимые" же не могли зачастую отделить в себе „обязанного послушанием" работника той или иной клеточки советского организма от свободно высказывающегося по всем решительно вопросам члена партии, „Начальствование" стало прогрессировать, как по советской, так и партийной линиям. Винить в этом кого либо в отдельности или только Ц. К. партии было бы по меньшей мере неосновательно. Если принять еще во внимание и то, что самый состав нашей партии сильно и к худшему изменялся за эти последние годы, что в партию вошло много представителей

самых разнородных партий от максималистов до меньшевиков включительно; что партия сильно потерпела в ожесточенных боях с контр-революцией; что на смену погибающим приходили все более и более слабые классовым закалом, знаниями и опытом — элементы, то станет совершенно понятен процесс подавления партии государством. Тот факт, что партия производит назначения работников на все, как самые высшие в государстве, так и самые низшие посты — не устраняет зла.

Не могло не отразиться на темпе политической жизни нашей партии и отсутствие „конкурентов“ у нее. Меньшевики, эсеры и другие политические группировки были почти совершенно ликвидированы советской диктатурой. Разность оценок момента, „борьба мнений“ исчезли. Борьба словом и пером сменилась борьбою оружием. Само собою понятно, что решительная линия, взятая партией в отношении меньшевиков, была единственно возможной и разумной в данную эпоху. Но нужно признать, как факт, — замирание политической мысли в партии. Диктатура бьет не только по врагам, она отражается неблагоприятно и на партии, осуществляющей ее. Сетования по этому поводу бесплодны. Продолжая их до логического конца, можно договориться и до меньшевистской демократии. Никакой иной режим, который мог-бы гарантировать классу победившему, но вынужденному вести отчаяннейшую борьбу за сохранение власти с наседающими на него со всех сторон врагами, кроме *диктатуры* не мыслим.

Советское государство аппарат принуждения по отношению ко всем, кто так или иначе срывает волю господствующего класса, вынуждено в данный момент принуждение это облекать в заостренную *военную* форму. Исторически неизбежно, чтобы мы прошли через довольно продолжительный период диктатуры. Но один факт принятия власти нашей партией и выпавшая на ее долю необходимость созидания государства, выясняя в основном вопрос о причинах нашего партийного нестроения, не является всеисчерпывающим об'яснением болезненного состояния партии. Есть еще ряд важных причин, усугубляющих его. Одной из важнейших причин является отчаянное экономическое положение Советской Республики. Партийная работа наталкивается на индиферентизм голодающих

широких рабочих масс. Нечего утешаться на этот счет вредными иллюзиями. В трудовых массах нет под'ема, массы устали. Порыв иссяк; крепкого классового закала нет. Массы идут за нами потому, что им *не за кем больше итти. И они это прекрасно понимают.* Пассивность, а иногда и враждебность масс, встречаемая нашими работниками, действует на их психику крайне удручающе. Если добавить к сказанному еще и то обстоятельство, что уровень подготовки среднего работника теперешнего момента не высок; что он чаще всего не принадлежит к числу прошедших огонь, воду и „медные трубы“ партийных работников времен подполья; что новых деятелей партия выдвигает медленно, — то станет понятным падение настроения в партии. У среднего работника нет того умения жить „нервами“, как это делают старые травленные волки нашей партии. Новый работник скорее изнашивается; он больше склонен к импрессионизму.

VI.

Партия наша за последние три года численно возросла раз в десять—двенадцать (с 50 до 600 тыс.). Правда, это не так уже и много, если принять во внимание широчайшие возможности привлечения трудящихся в наши ряды. Это даже мало в условиях, когда нам все дано в области агитации и пропаганды. Но не надо забывать, что нам не дано лишь одного — экономического благосостояния. Неимоверными усилиями налаживаемая нами промышленность находится в тягчайшем состоянии. Пролетариат—база социальной революции, становой хребет рабоче-крестьянской диктатуры — распылен. Тяга в деревню пролетариев, еще остающихся на фабриках, заводах, в мастерских и типографиях, растет. В этих условиях численный рост нашей партии должен быть признан значительным. Партия велика; она могуча своей дисциплиной, своим глубоко правильным классовым анализом мировых событий. Политическая линия гибка, как сталь дамасского клинка; причем гибкость эта не есть синоним неустойчивости. Партия имеет гениального вождя. Но тем не менее, она может сказать о себе „не тот я стал“. Да, не тот. Поставленные перед задачей построить новое общество на принципе подлинного равенства и братства мы ощущали повелительную необходимость расширения рамок нашей партии, увеличения числа элементов, сколько

нибудь годных для строительства своего государства. Нам нужны были новые и новые тысячи членов партии—на фронт в качестве цемента, спаивающего Красную армию; нам они были нужны на транспорт, на продовольствие и во многие другие области советской работы. Партия росла. Она вобрала в себе самые разнообразные элементы—начиная от вернувшихся в лоно ее бывших участников партийной работы 1906—1907 г.г. и кончая явными авантюристами, охочими до ловли рыбки в мутной водице нашей расхлябанности. Партийный билет давал ловким плутам возможность творить такие чудеса, проделывать такие эксперименты над населением, что вчуже жутко становится, когда приходится слышать о них. Но „авантюрист“—классический авантюрист времен „советской партизанщины“—переводится. Укрепление государственного порядка подрезает ему крылышки, и он все чаще и чаще садится в Ч. К. Этот сорт, с позволения сказать, коммунистов все же менее опасен другого более распространенного типа—коммуниста карьериста. Отличительной особенностью его является прежде всего полнейшая лойяльность, почтительность, а иногда прямо самая низкая уродливость по отношению к начальству. (Сейчас почти все мы делимся на категорию начальствующих и подначальных). Такой коммунист, если он на фронте—тянется во всю перед высшим по рангу коммунистом (или спецом). Он ловко умеет рапортовать, принимать парады, артистически козыряет; крайне талантливо, пожирая глазами начальство—баритонит „слушаю-с“; „будет исполнено“; „так точно“. Умело щелкает шпорами. Всем существом своим выражает готовность пойти на любой угодный начальству подвиг. Весь—порыв и вместе с тем—почтительность, скромность. Такие проныры имеют успех; иногда делают с головокружительной быстротой „блестящую карьеру“. Если коммунист-карьерист пошел по штатской линии—по советской или партийной—он деловит, услужлив, умеет не иметь никакого другого суждения, кроме суждения высшего чиновника-начальника. При каких-либо выборах очень умело и громко кричит, подделываясь к Сидор Ивановичу и Петру Карповичу, имеющему вес: „предлагаю Сидора Иваныча, Сидор Иваныча! Если Сидор Иваныч, ломаясь, отказывается—он кричит с трагизмом в голосе: „просим, просим“. Он немножко просто горлапан и он же Фигаро революции.

Таких коммунистов, к сожалению, к горю нашему не мало. Они в нашей партии роли значительной, разумеется, играть не могут, но в советском государстве сидят иногда на самых высших ступеньках иерархической лестницы. И не только сидят, но и очень прочно себя на этих высотах ощущают. Коммунисты-карьеристы бывают, ясное дело, разных калибров и каждому кораблю свое плаванье положено.

Политически-активной частью нашей партии являются в большинстве старые работники и сравнительно немногочисленная группа „молодых“. В их среде нет былой спайки и единства, выгодно отличавших нашу партию от всех других в годы подпольной работы и месяцы „советской партизанщины“. Товарищеские отношения заменяются не только чисто деловыми и „служебными“, а часто прямо враждебными. Группируются сплошь и рядом, ориентируясь не на ту или иную политическую линию, а на того или иного Сидор Петровича „власть имущего“. В этой прослойке ответственных работников есть свои „верхи“ и „низы“. „Верхи“—те, кто „у власти“; „низы“ те, кто к ней стремится. В этой борьбе чаще всего отсутствуют мотивы простого, шкурного карьеризма; здесь на лицо политическое честолюбие, более облагороженный вид вульгарного карьеризма.

Все вышеуказанные группы, вместе взятые, являются значительным меньшинством в нашей партии. Большинство—это тот партийный середняк, о котором писала „Правда“ перед всероссийской конференцией. Трудно точно определить и установить признаки, отличающие „середняка“ коммуниста от так называемого „массовика“; найти грань, за которой кончается „массовик“ и начинается „середняк“, но что середняк—реальность и основная группа партии, в этом нет сомнения. Массовик-коммунист, это то, что принято называть нехорошим словом—„низы“ партии. Массовик пришел к нам частью гонимый здоровым классовым инстинктом, частью „так себе“, за кампанию; под впечатлением хорошей речи красноговорливого оратора. Массовики рабочие (а о них здесь только и идет речь) зачастую являются ничем иным, *как делегацией не вполне сознательных масс в нашу коммунистическую партию.* Массовик тесно связан с рабочею гущей. Он погряз, он весь во власти обывательских настроений. Он не понимает

азов партийной дисциплины. Пишущему эти строки приходилось наблюдать не раз разительные доказательства сказанного. Позволяю себе привести пример позорного казуса с ячейкой одного значительного предприятия Москвы. На общем собрании рабочих предприятия обсуждался вопрос: продолжать забастовку или приступить к работам. Шли, как подобает в таких случаях, долгие дебаты. Наконец красноречие иссякло, вопрос был поставлен на голосование. Результаты—за стачку подавляющее большинство; *против—кучка и в ее среде ни одного члена коммунистической ячейки.* Нередко во главе рабочих, пред'являвших советской власти явно невыполнимые ею требования, становились коммунисты О чем говорят эти факты? Разумеется не о том, что делегации в нашу партию от полусознательных масс—вредны и их нельзя допускать Они говорят лишь о том, что известно всякому мало-мальски внимательному к жизни нашей партии коммунисту—о нашем неумении обработать, коммунистически переварить большое количество молодых коммунистов. Коммунистическая безграмотность—распространенное явление в партии. Совершенно естественно, что политически неграмотный массовик—отличающийся от беспартийного рабочего лишь только тем; что у него не в пример последнему имеется билет Р. К. П.—обнаруживает очень часто все отрицательные особенности, характерные для теперешнего настроения широких рабочих масс—пассивность, аполитизм; он не дорожит своею принадлежностью к партии; легко с нею разрывает; обще-партийные собрания посещает также вяло, как беспартийный товарищ митинги, также усердно честит „комиссаров" за дело и без дела, как и некоторые беспартийные коммунистов вообще; живо откликается на теорию о „низах" и „верхах".

Вышеуказанные настроения, проявляющиеся в нашей партии отнюдь не редко—должно признать в высокой степени пагубными.

Бросив самый беглый взгляд на составные элементы нашей партии последних полутора—двух лет,—мы должны признать, что по сравнению с 1917 г.—я не говорю уже о 1903 г.—1907 г.—партия представляет гораздо менее крепкий внутренней спайкой организм. Если добавить, что этой партии при-

ходится выполнять величайшие по своему историческому значению задания, то мы поймем, что трудности и опасности перед нами стоят весьма значительные. Даже гордость нашей партии—дисциплина и та *в существе дела колебнулась.* Лишь только благодаря повелительным традициям и готовым давно выработанным рамкам, в которые попадают новые члены нашей партии—многие из них за страх выполняют веления этой дисциплины. Внутренняя дисциплина ослабла. Внешняя механическая окрепла. Но этой крепостью обольщаться не следует. Говоря о нашей партии и ее нехватках, нам также нельзя будет обойти молчанием вопрос о спецах и комиссарах.

VII.

В одном из разделов уже говорилось о неизбежном включении в систему советского государства чуждых ему, но об'ективно полезных своими знаниями, опытом, социальных элементов. Вопрос о „спецах" в плоскости привлечения их или не привлечения к советской работе уже давно разрешен и разрешен на практике. Разумеется, рассуждения некоторых товарищей, утверждающих иногда очень горячо, что от спеца пошел в совдепии бюрократизм—достаточно не убедительны. Бюрократизм источником своим имеет иерархическое построение государственного аппарата Советской Республики Это основа бюрократизма. Далее неизбежный отрыв многих наших партийных работников от масс, „удушливый воздух канцелярий"—разлагали и разлагают до сих пор значительное количество коммунистических душ. Спецы несомненно внесли свою лепту в дело бюрократизации советского государства, но утверждать, что спец насадил у нас в пику большевизму бюрократизм—это ни с чем несообразная вещь. Сейчас большинство спецов сжилось с мыслью о непреоборимой силе советского режима и работает меньшая часть за совесть, большая часть за мзду. Но отводя от спецов обвинение в том, что они „выдумали бюрократизм", мы должны несколько пристальнее приглядеться к их роли и удельному весу в советской России. Значение спецов в жизни нашей партии и государства очень многими товарищами явно преуменьшается. Спец не только имеет „силу", как спец; нет, он очень часто—*оказывает сильнейшее влияние в той области, куда ему, казалось бы, нет доступа,—в поли-*

тической. Назначения и смещения партийных работников сплошь и рядом совершались под влиянием именно спецов. Сказанное особенно часто имело место в военном ведомстве. Спецы,—в данном случае военспецы,—прекрасно „организованы". Пусть товарищи из Ч. К не ждут каких либо *криминалов* в собственном смысле этого слова. „Организованность" спецов заключается прежде всего—в той удивительной спайке, какая несомненно существует в их среде. Спец—спеца поддерживает, как только—и чем может. Это буквально какая то незримая круговая порука. „Связь" (не преступного характера) между спецами идеальная, информация блестящая. Стоит только спецу невысокого ранга попасть в беду—тотчасже нажимается соответствующая кнопка и высший „чином" спец спешит ему на помощь. В этой области спецами проводились целые кампании. Действуя умело, где лестью, где убеждением, они не раз создавали „кризисы" Ревсоветов, смещали коммунистов с постов начальников особотдела, следователя его и т. д. Сейчас не время ставить все точки над и, но история несомненно вскроет не один случай пленения верхушек нашей партии спецами. Спецы в высшей степени талантливо умеют подчинять себе „состоящих при них" в качестве комиссаров—коммунистов. Конечно, это не общее правило, но весьма распространенное „исключение". Это явление было констатировано и на последней общепартийной конференции.

Не очень умного (а откуда у нас могут быть подобраны на все посты „очень умные" коммунисты) комиссара спец ловит на удочку лести. Он признает его „планы" блестящими. Соглашается на вносимые коммунистом коррективы в его, спеца распоряжения. Изумляется быстроте ориентации в оперативных делах еще вчера глубоко штатского коммуниста и т. д. и т. д. Наивный коммунист твердо уверен, что он „крепко держит в руках спеца", тогда как на самом деле он является игрушкой в руках спеца. Некоторые спецы достигли высоких командных постов лиш благодаря коммунистическим простофилям, а не по причине своих блестящих талантов. Пишущий эти строки утверждает, что пленение спецами коммунистов принесло не мало вреда нашему красному фронту. Устранить влияние спецов очень трудно. У них всюду свои люди, а у этих на самый пло-

хой случай найдется надежная коммунистическая поддержка. Так, образованные, культурные представители чуждых нам социальных групп ассимилируют коммунистов и в конечном счете невольно содействуют разложению нашей партии. Читатель, поди, скажет, что автор перехватил через край. На самом же деле никакого преувеличения и сгущения красок здесь нет. Коммунист, плененный спецом, плохой коммунист; он разумеется не всегда старается „равняться по спецу", который в большинстве случаев потенциально всем существом своим тяготеет к старым методам управления армией. Из числа таких „милитаризированных" коммунистов и вырабатываются экземпляры, плюющие на штатских партийцев и „совдепчиков". Перерождение отдельных коммунистов достигает ужасающих форм. Есть товарищи, которые абсолютно не представляют себя вновь на партийной работе. Это они держат себя не только с населением, но и с коммунистами тех городов, куда прибывают штабы фронтов и армий, как с „покоренными народами". Несомненно, их деятельность глубоко антипартийна; об'ективно контрреволюционна. Такие коммунисты, это те отвратительные „верхи" на которые сетуют не только „массовики", но и вполне сознательные коммунисты. Подобных; размагниченных в партийном отношении военных коммунистов не слишком много, вернее их мало, но дела их громки и славны и партию режут без ножа. Нужно признать, что у нас слишком мало внимания обращалось на подобные факты. Наоборот, нередко оголтелый бурбон с манерами профессионального „рубаки" находится на самом „лучшем счету", как военный работник. Такая солдафонщина далеко еще не изжита в нашей партии, и само собой очевидно, совершенно будет изжита лиш с переходом советского государства на мирную работу.

VIII.

Все вышесказанное, выясняя до известной степени причины и формы нашего партийного нестроения, естественно вызывает вопросы: 1) видела ли партия в лице своего руководящего органа, каким является Ц. К., куда мы идем и 2) что делалось партией в целом, если не для полного искоренения теневых сторон своей жизни, то хотя бы для замедления темпа прогрессирующей болезни.

Нужно сказать, что Ц. К-том в этом направлении до IX-го С'езда включительно было сделано очень мало. Поглощенный

„государственными заботами", перегруженный всяческой работой, Ц. К. не умел или не мог следить за биением пульса политической жизни в партии. Он как-то проходил мимо того несомненного факта, что партия, по выражению одного старого нашего товарища, „опускалась". Главное внимание было обращено на внешнюю дисциплину. В ней видели альфу и омегу блестящей организованности. Все „конституционные гарантии" в виде свободы обсуждения вопросов внутри партии и „неприкосновенность личности" *постепенно* отменялись, я сказал бы *отменялись* не по злой воле цека, а вследствие его *невнимания к партии*. Столь необходимая *диктатура внутри самой партии* приняла уродливые формы. Центр оторвался от масс. Принося все свои силы на алтарь государственности, отдавая лучших работников фронту, мы нередко теряли руководство рабочими массами. Они выскальзывали из под нашего влияния и все более превращались в аморфную, аналитическую, насквозь пропитанную идеологией обывательщины социальную группу. Мы наблюдали, как день за днем отмирают наши партийные собрания, как они становятся все менее многочисленными и интересными. Здесь надо сказать прямо, что смешными являются обвинения против Центрального Комитета, делаемые на последней общепартийной конференции, в том, что Ц. К. „из боязни оппозиции" вел линию на упразднение общих собраний. *Это чистейшая ерунда*. Общие собрания ликвидировались самими же партийными организациями. Иногда эта ликвидация вызывала недовольство отдельных групп, но оно носило пассивный характер и в нем нельзя было видеть источник оживления партийной работы Впервые вопрос об оздоровлении партии был поднят на 8-м с'езде, имевшем большое историческое значение не потому только, что там горячо дебатировался вопрос о „партийном и советском строительстве", но и потому, что этот с'езд окончательно поставил крест над„ советской партизанщиной". Говоря это, я имею ввиду дебаты по вопросу о нашей военной политике. В этих страстных прениях ярче всего отразилось двойственное положение нашей партии, вынужденной построить военно-бюрократическую машину, вполне отвечающую требованиям гражданской войны, и в то же время сохранить себя от всяких плевел бюрократизма, озорства, не дать партии превратиться в „коммунистический батальон

особого назначения". Я позволю себе несколько остановиться на этом вопросе. Оппозиция линии Ц. К. весьма значительная как с качественной, так и количественной стороны, была представлена прекрасными партийными товарищами, не утратившими всех лучших особенностей старых партийцев. Но у оппозиции не было почвы под ногами. Никакой определенной своей военной политики она предложить с'езду не могла. Дебаты велись вокруг второстепенных вопросов. Но это было так лишь на первый взгляд; *по существу* оппозиция была криком души старых коммунистов, не желавших примириться с тем, что мы возвращаемся к дореволюционным методам в деле управлении армией. На 8-м с'езде партия, как мы ее привыкли знать—капитулировала перед государством, в конечном счете перед не от нас зависящими обстоятельствами. Оппозиция „исходя из опыта" гражданской войны, доказывала, что решение вопроса о спецах и комиссарах неправильно. „Я утверждаю, говорит т. Смирнов (докладчик от оппозиции—см. стр. 135 протоколов 8-го с'езда), что это решение неправильно и несогласно с опытом, который имеется у нас. Наоборот, как раз теперь, когда у нас уже есть политические комиссары, имеющие достаточный боевой опыт и умеющие не вмешиваться, когда это не нужно,—необходимо предоставить им более широкие права, большее участие в управлении армией".

Это требование было ничем иным, как желанием сделать нашу армию более коммунистической со стороны командования. Под этим предложением, обосновывавшемся „опытом, который имеется у нас" *все же была кое какая реальная почва*.

Пусть „опыт" на самом деле дал нам аргументы против расширения прав комиссаров на область оперативной работы; тем не менее этот пункт доклада т. Смирнова был наиболее практически серьезным. Истинному революционеру „не по душе" все аксессуары постоянной армии, хотя бы и рабоче-крестьянской, но перенявшей внешнюю форму организации от армии буржуазных государств. Оппозиция выразила это „настроение" в следующих словах: „введено—жаловался докладчик—(там же стр. 135) обязательное прикладывание руки к головному убору, хотя в этом отношении командный состав поставлен в одинаковое положение с красноармейцами. Вводится

обязательная форма обращения. Необходимо называть: „товарищ командир роты“, „товарищ командир взвода“ и т. д. Комадному составу предоставлен ряд льгот в виде особых условий содержания под арестом, право жить на отдельных квартирах, при общем казарменном расположении, право иметь при некоторых условиях вестовых и т. д. Какой смысл введения таких формальностей в Красную Армию? Непонятно. В уставе нужно указать права и обязанности каждого, но совершенно излишне давать мелочную регламентировку, указывать, что должен делать красноармеец в том или ином конкретном случае“.

В этом рассуждении достаточно полно отражена идеология коммунистов времени Керенщины. Товарищи никак не могли понять, что армия—есть *армия* и „мелочная регламентировка“ играет в ее жизни огромную роль. Они полагали, что эта регламентировка лишь просто наш уклон в сторону солдафонизации революции. Их рассуждения были бы, пожалуй, понятны, если бы у нас была чисто пролетарская и к тому же охваченная энтузиазмом армия. Сейчас споры о „регламентировке“ и прочем—прочитанная страница истории нашей Красной Армии, и мы приводим их лишь для иллюстрации переживаний нашей партии. Исключительные условия, в которых находились боевые красные армии, требовали корректива в организационном плане ведения партийной работы среди трудящихся масс. Результатом этой потребности явилась организация Политотделов. Оппозиция никак не могла согласиться с положением официального докладчика от Ц. К., что „с‘езд должен высказаться за государственную пропаганду коммунизма на фронте, чтобы руководство этой пропагандой находилось в руках политических отделов армий“ (стр. 131 протоколов). Не отрицая в корне политотдельскую форму партийной организации на фронте, оппозиция выдвигала „коррективы“ к ней, которые, в случае проведения их в жизнь, сорвали бы линию Ц. К. в этом вопросе.

„Передо мной лежит, говорил докладчик оппозиции, номер „Военной Мысли“, органа Революционного Совета восточного фронта, в котором напечатан проект инструкции и организации политических отделов в армии. Что же мы видим. Политический Отдел состоит из заведывающего отделом и целого ряда канцелярий при нем—общей, военно учетной, военно-организационной и т. д. *Никакого намека на коллегиальность, на созыв партийных конференций, на обсуждение возникающих вопросов в проекте нет.* Может ли такое учреждение вести работу. Конечно, нет. Это лишь канцелярия по информации и агитации. Но никакой живой партийной работы, в результате которой из партийных низов могут выдвигаться новые силы, она вести не в состоянии, а это нам крайне необходимо, ибо *наши старые коммунистические резервы истощаются* и долго мы без них не проживем. Единственный способ это—*отделаться от бюрократизма и строить политическую работу в армии на основе товарищеской спайки коммунистов путем комбинации начала назначения и самобытности.* (протоколы стр. 136).

Однако отклонение от привычных форм партийной работы (Политотделы и т. д.) породившее неизбежную бюрократизацию ее—учитывалось и официальным представителем Ц. К., который вынужден был признать, что в этом отношении у нас несколько забываются старые партийные традиции. *У нас начинают бюрократизировать партийную работу среди красноармейцев* Военный Комиссар сделает так или иначе, а партийный местный комитет умывает руки, тогда как коммунистическое воспитание должно бы *ложиться в первую очередь на партийный комитет* (подчеркнуто мною И. Ю.), (см. протоколы стр 130). То что „традиции“ у нас забываются и что носителей их становится все меньше и меньше—это факт. Но дело не только в этом. Весьма симптоматично признание докладчика, что „у нас начинают бюрократизировать партийную работу среди красноармейцев“. Начинают,—но кто же смеет совершать подобные криминалы и что смотрит Ц. К.,—вот вопросы, которые невольно напрашивались по поводу признания „бюрократизации партийной работы“. Докладчик забывал, что местные партийные комитеты „умывали руки“, а комиссары делали „так или иначе“ не по вольной волюшке, а потому, что к этому об‘ективно приводила линия нашей же партии. В дальнейшем мы

увидим еще более разительные примеры того, как на долю партийных комитетов все чаще и чаще выпадала грустная обязанность „умывать руки“ в вопросах партийного воспитания масс и смотреть, как уже не только одни военные комиссары, а и многие другие делали „так или иначе“. Полемика по вопросу о нашей военной политике не имела сколько-нибудь значительных практических результатов. Как полагается, у нас в таких случаях была пущена против оппозиции в ход „тяжелая артиллерия“, были сделаны кой-какие уступки. Если бы значение оппозиции заключалось только в этих *непосредственно* ничтожных результатах, к тому же еще сведенных Ц. К. к нулю—нам совершенно не следовало бы подымать уже решенные вопросы. *Заслуга оппозиции заключается в том, что она ударила тревогу по поводу „бюрократизации партийной работы“, по поводу упадка жизнедеятельности партии, как таковой.*

Прения по военному вопросу следует признать органически связанными с прениями по вопросу о партийном и советском строительстве. При обсуждении последнего вопроса естественно пришлось: 1) констатировать существующие в нашей партии из‘яны и 2) наметить меры к устранению таковых. Центральному Комитету пришлось выдержать довольно сильный бой и удалось, как это бывает у нас всегда,—одержать победу. Критика наших больших и маленьких недостатков была весьма содержательная. Ряд ораторов, не связанных друг с другом общностью принадлежности к одной группировке, дал по существу тождественную оценку положения дел в нашей партии. Я позволю себе привести несколько цитат, не особенно стесняясь их размерами. Думаю, что это будет небесполезно для читателей, которые получат своего рода „историю наших партийных переживаний.“ Содокладчик по этому вопросу т. Осинский констатировал (см. протоколы 8-го с‘езда стр. 141), что „в период от 7-го партийного с‘езда и до теперь собравшегося у нас происходило замирание широкой партийной деятельности. Больших собраний не было, не было не только конференций, но и совещаний Ц. К. с активными работниками, которые раньше бывали часто и посредством которых Ц. К., с одной стороны, внедрял в низы партии свои идеи, с другой—сам на-

ходил в работниках с мест источник политического вдохновения. Ничего этого последнее время не было. Деятельность партии была перенесена в Ц. К.“.

Так говорил старый „бунтовщик“ — Осинский. К его речам некоторые из лойяльных до нелепости товарищей относятся с известным предубеждением. Но стоит взять речи менее „подозрительных по оппозиции“ товарищей и увидим в основном полное совпадение с тем, что говорилось Осинским и другими. Так, например, т. Ногин (протоколы стр. 145) в речи, вызвавшей аплодисменты с‘езда, заявил: „мне кажется, пора все-таки на этом с‘езде сказать еще другую истину: что наша партия опустилась, что работники на местах и в Центре ведут себя так, что позорят имя партии. Это надо на с‘езде сказать, не замалчивая. И в нашей комиссии при Ц. К. по строительству партии (к сожалению комиссия не имела возможности закончить своих работ, как следует), в этой комиссии мы получили такое безконечное количество ужасающих фактов о пьянстве, разгуле, взяточничестве, разбое и безразсудных действиях со стороны многих работников, что просто волосы становились дыбом, когда мы слушали то, что нам рассказывали представители Чрезвычайных Комиссий, местных организаций и отдельные товарищи. Причины этого явления мы должны вскрыть.

Необходимо принять определенное постановление об оздоровлении партии. Другой оратор, т. Скрыпник, поставил вопрос именно в плоскость искания способов оздоровления партии.

Он сказал (протоколы стр. 150): „Гласность нужна еще и в другом, в том, чтобы вопросы, возникающие в партии, мнения, имеющиеся в партии, не были в тайниках партийной жизни, а выращивались бы при свете дня. У нас целые громадные вопросы прошли, а партия обсуждала их только после того, как они были уже решены. Мы находимся в противоречивом положении. Нам необходима выработка партийного коллективного мнения, ибо партия только в том случае может быть партией, если она коллективно вырабатывает мнения для проведения их в жизнь“.

Как же реагировал Ц. К на эту критику, правильность которой полностью признала недавно состоявшаяся общепар-

тийная конференция. В начале (на секции) докладчик от Ц. К. Зиновьев подошел к вопросам, затронутым как вышецитированными товарищами, так и рядом других — олимпийске-величественно и пренебрежительно он сказал (протоколы стр. 158): „товарищи, у меня получилось впечатление бесполезных прений" и далее: „по поводу критики я хотел сказать, что раньше слышал, будто в Москве есть группа оппозиционно-настроенных товарищей, которые собираются устроить на с'езде целое кровопролитие". Величественно, но не серьезно, да простит мне уважаемый т. Зиновьев. Совсем великолепно было его другое заявление о том, что „никакой серьезной критики не было представлено" и что, „если бы мы ждали 8-го партийного с'езда для мелкого (протоколы стр. 159) брюзжания, для придирок, то лучше бы его и не ждать". Теперь после общепартийной конференции мы знаем, что т. Зиновьев сродни той „оппозиционной группе", которая хотела устроить в 1919 г „кровопролитие". В своем докладе *на пленуме* с'езда т. Зиновьев, признавая всяческие нехватки наши, заявил (стр. 189 протокол). „Бороться против этого мы можем усилением партийной работы, но не тем, что будем *брюзжать, выносить резолюции* (подчеркнуто мною И. Ю.). Предержащая власть, если угодно употреблять это выражение, *отлично видит все безобразия, которые творятся* (подчеркнуто мною И. Ю.) *на местах, и борется с ними*" и далее, совсем так, как Осинский, и прочие сторонники „кровопролитий": „Партийные организации кое-где хиреют, общие собрания членов становятся все реже и реже *и как в советских организациях мы видим тенденцию к замене советов исполкомами, так и в партийных организациях есть тенденция заменить партийную организацию комитетом.*

Мы должны сейчас же начать систематическую борьбу против замены местных партийных организаций партийными комитетами. Необходимо все крупные деловые вопросы всей нашей партийной жизни обсуждать в широком кругу членов партии; только тогда партия не захиреет," (протокол стр. 243).

Как видим в конечном счете на с'езде получилось единомыслие в оценке внутреннего состояния нашей партии. Казалось бы, перед лицом таких фактов, как приведенные в заключительной речи т. Зиновьева, необходимо было бы наметить

широкую программу оздоровления партии. Было ли это сделано? Есть ли хоть какое соответствие между положением и намеченными задачами партии в докладе т. Зиновьева и *конкретными проектами.* Никакого соответствия нет. Это очевидно для всякого, кому лавры, свисающие с чела, не мешают видеть реальные факты. *Критиковать* постановления 8-го с'езда, естественно поздновато, но учесть опыт их и последующую политику Ц. К. никогда не мешает. Мы уже привыкли к тому, чтобы гора всяких разговоров, критики, протестов в речах — рожала мышь реальных мероприятий. Посмотрим, что предложил Ц. К. (или Комиссия — это совершенно не важно, ибо до перевыборов Ц. К. есть руководитель нашей партии) и был ли он вообще подготовлен к тому, чтобы дать С'езду что-нибудь значительное. С уверенностью можно сказать, *нет.* Лучше всего это видно из резолюции по „партийному строительству". Мы помним мрачную картину нашей партийной действительности, нарисованную т. Зиновьевым. Посмотрим на рецепт излечения партии. А вот он (см. пункт 2-й указанной резолюции, стр. 365, 366 протоколов, озаглавленный „Связь с массами"), приведу его целиком:

„Российская коммунистическая партия, стоящая у власти и держащая в своих руках весь советский аппарат, естественно должна была отдать десятки тысяч своих членов на дело управления страной. Одной из важнейших задач партии в данный момент является — включить новые тысячи лучших своих работников в сеть государственного управления (железные дороги, продовольствие, контроль, армия, суд и прочее).

В связи с выполнением этой насущной задачи возникла, однако, серьезная опасность. Многие из членов партии, поставленные на эту государственную работу, в значительной степени отрываются от масс и заражаются бюрократизмом, что относится очень часто и ко многим рабочим, членам Советов. Против этого зла необходимо начать самую решительную борьбу немедленно же. *Коммунистов, членов Советов, необходимо обязать во что бы то ни стало давать отчоты своим избирателям не реже одного раза в две недели. Рабочих, пробывших на чисто-советской работе более трех месяцев под ряд, следует возвращать на заводы по крайней мере на 1 месяц. Все советские работники, члены партии, обязаны нести какую-*

либо партийную работу в своем районе. Все коммунисты обязаны состоять членами и посещать общие собрания своего профессионального союза“ (подчеркнуто мною И. Ю.).

Если прибавить к этому постановлению еще пункт о перерегистрации членов партии и о перераспределении работников, то вот и все сколько-нибудь реальные результаты Московского „кровопролития“ в лета от Р. Х. 1919 г.

Казалось бы, что задача нового избранного 8-м с‘ездом Ц. К. заключалась в том, чтобы всемерно стремиться к тому, чтобы эти в высшей степени скромные и вполне осуществимые решения провести в жизнь. Так казалось, но в действительности вышло не так. Систематической, упорной работы Ц. К. в сторону оздоровления партии не было. Оторванность от масс, на счет коей с‘езд предостерегал партию, прогрессировала. Мертвой буквой остались пожелания т. Зиновьева о том, чтобы все крупные деловые вопросы всей нашей партийной жизни обсуждались в широком кругу членов партии (только тогда партия не захиреет. Зиновьев). Втуне все это осталось. Зря был сотрясен воздух либеральными речами. Политика репрессий за инакомыслие продолжалась усиленным темпом. Предержащие власти (я пользуюсь выражением тов. Зиновьева) не принимали сколько-нибудь действительных мер для борьбы с безобразиями, известными, по словам того же тов. Зиновьева, Ц. К-ту *Все шло, как шло и как идти не должно было. 8-й С‘езд*, окончательно поставивший крест над советской партизанщиной, хотя и не дал, как уже выше указывалось, нашей партии выхода из тягчайшего положения, в котором она очутилась, тем не менее *в истории партии займет почетное место. На нем были сказаны те слова, которые нашли отклик через полтора года, и ныне частью превратились в дело.*

IX.

Переходя к 9-му с‘езду, мы должны напомнить читателям обстановку, в которой он собрался. Наше военное и международное положение было блестяще. Нам рисовался близкий мир, конец изнурительной гражданской войны и приступ к работам полным ходом на трудовом фронте. Под знаком победы и близкой ликвидации гражданской войны прошел тот с‘езд. На нем было мало уделено внимания вопросам партийного строительства. Успехи отодвинули на задний план наши хвори и о них го-

ворили только „демагоги“ и „враги властей предержавших“— „оппозиция—ради оппозиции“.

Организационный отчет Ц. К. показал с весьма наглядной очевидностью, что работа секретариата и связь с Губкомами налаживаются, что технический аппарат Ц. К. стал много сильнее, чем год тому назад.—*Это несомненно отрадный факт*. Но тот же отчет показал нам и другое—он обнаружил, что важнейший пункт резолюции 8-го с‘езда о партийном строительстве—пункт 2-й, где говорилось о серьезной опасности для партии, проистекающей от того, что мы отрываемся от масс и бюрократизируемся—этот пункт не фигурировал в организационном отчете Ц. К. *Решения 8-го с‘езда, направленные к оздоровлению партии и отличающиеся поразительной скромностью, не были проведены в жизнь*. О них докладчик даже и не упомянул.

Но зато он сообщил с‘езду совершенно откровенно, что „те члены партии, которые в наши ряды вступили только в партийную неделю, сравнительно мало получили партийного воспитания и партийного образования. У нас не хватало для этого агитационно-пропагандистских сил“.

Это признание прошло сравнительно мало замеченным, хотя оно и относилось к огромной массе членов нашей партии.

В период между 8-м и 9-м с‘ездами партия получила большие пролетарские резервы. Я имею в виду проведение Всероссийской партийной недели, в высшей степени удачно приуроченной Ц. К. к моменту, когда успехи деникинской белогвардейщины достигли кульминационного пункта.

Эти партийные резервы однако не смогли быть пущены полностью в бой с разрухой, с белогвардейщиной. Мало того, известная часть их разложилась и представила собою благодатную почву для всяческой демагогии и в первую очередь обнаружила значительную восприимчивость к теории о „верхах“ и „низах“.

Прения по докладу Ц. К. носили мало организованный характер. Ораторы с одной стороны выкладывали все, что у них наболело на сердце, и, не чрезмерно стесняясь в выборе выражений, атаковали Ц. К.; ораторы с другой стороны пытались изобразить, что у нас все благополучно.

Несмотря на этот несомненный недостаток прений, мы все же остановимся на них. Группа товарищей, подходя с разных сторон к докладу Ц. К., освещала наше внутрипартийное положение в том смысле, что в партии активность масс подменяется активностью Ц. К., что массы значительного участия в жизни партии не принимают; что Ц. К. практикует репрессии по отношению к инакомыслящим и т. д. и т. д. Новых *по существу* аргументов почти не было. „Защита", признавая те или иные отдельные дефекты в работах Ц. К., в общем находила, что у нас в партии все благополучно. Никаких конкретных результатов прения по отчету не дали. Не более блестящие были достижения 9-го с'езда в прениях и резолюциях по организационному вопросу, стоявшему особым пунктом порядка дня с'езда. Мы не будем останавливаться детально на работе организационной секции, прошедшей весьма сумбурно, и где ораторы благодаря отсутствию хорошего руководства работою секции несли кто во что горазд. Если мы приглядимся внимательно к резолюции с'езда по организационному вопросу, то у нас должно получиться представление о внутреннем благополучии нашей партии. Отличаясь большой громоздкостью и давая (это необходимо признать) ряд практических указаний новому Ц. К., резолюция ни одним словом не обмолвилась о необходимости оздоровления партии. Опыт 8-го с'езда прошел для 9-го почти бесследно. Об'яснение этому мы уже давали в первых строках настоящей главы. Переживая экстазное состояние, наэлектризированные успехами на фронтах, мы забыли, собственно не мы, а прежде всего и больше всего наш Центральный Комитет — поставить вопрос: а что, улучшилось ли положение дел внутри партии или нет? Этим вопросом 9-й с'езд не задавался и тем острее и неожиданнее стал он перед партией и перед Ц. К. всего лишь через пять месяцев после благополучного 9-го с'езда. *С точки зрения партийного строительства, а следовательно и оздоровления нашей партии 9-й с'езд был несомненно шагом назад по сравнению с 8-м.* Если добавить к сказанному, что 9-й с,езд узаконил и ввел в систему политотделизацию (приношу извинение за этот ужасный термин) партийной работы, то нам станет совершенно ясно, что тот процесс бюрократизации партии, против которого ратовали весьма дружно на 8-м с'езде как т. Осинский, так и т. Зиновьев, получил на 9-м свое признание

и закрепление. Создание Главполитпути, а после с'езда и Главполитвода явилось апофеозом бюрократизации нашей партии и что трагичнее всего, так это то, что политотдельская бюрократизация партии порождалась нами же: это была не та *бессознательная бюрократизация*, о которой говорили на 8-ом с'езде; не бюрократизация в виде „стихийного бедствия", вызываемого в нашей партии „молохом" государственности. Политотдельская эпопея — это есть не что иное, как выявление безмерного увлечения наших руководящих центров „военными методами работы, это попытка пересадить на ж.д., в водный транспорт такие организационные формы партийной работы, кои имеют свой смысл лишь в исключительных боевых условиях жизни Красной Армии. Курс на политотделы, взятый 9-м С'ездом, показал, что мы идем по линии наименьшего сопротивления и *пытаемся оперировать шаблонами.* „Политотдел" явился в глазах многих ответственных работников нашей партии в том числе членов Ц. К. какой-то магической палочкой, от прикосновения коей к печальной советской действительности получаются всякие приятные нам чудеса. Партия начала превращаться в какого-то бедного родственника могущественных политотделов. Если добавить к этому, что на ответственные посты в политотделах были поставлены (опять дань „военным методам") некоторые военные работники, не обладавшие ни партийным стажем, ни необходимой политической гибкостью, а имеющие только твердый кулак, то политотдельская действительность предстанет перед нами во всей своей неприглядности. Партия была растащена по политотделам, да и сейчас еще „собирание" ее только — только начинается. 9-й с'езд, помимо своего желания, иронизировал над партией, когда, утверждая политотдельщину, заявлял (см. § 12 резолюции по организационному вопросу): „Парткомы об'единяют всю работу на данной территории и т. д.". Пункт на счет об'единения „всей работы" парткомами являлся чисто словесной уступкой тем тов., что, напр., в лице Москвичей воевали против политотдельских устремлений Ц. К. *Действительность показала нам, что есть плохие политотделы и раздерганная не могущая развернуть во всю ширь свою работу партия.* Мы дошли до геркулесовых столбов бюрократизации. Разве, спрашивается, терпимо такое положение, при котором Губком, насчитывая в губернском го-

роде, скажем, тысячи полторы членов партии, *фактически может распространять свое влияние лишь на 150—200 человек?!*

Нечего и говорить, что нетерпимо.

Рьяное насаждение политотделов, нарушая единство партии, имело еще и другую отрицательную сторону: политотдельщина неизбежно вырабатывала среди членов партии кастовый дух. Военные коммунисты (бывали такие случаи, грех таить) подчас свысока взирали на „шпаков“ из Губкома; „шпаки“ с своей стороны пренебрежительно отзывались о „военщине“. Кто от этого выигрывал, сказать трудно, но очевидно, что только не партия.

К вопросу о политотделах нам еще придется вернуться, когда будет идти речь о работах сентябрьской конференции.

X.

Насколько успехи Советской Республики на фронтах и за дипломатическими столами в марте 1920 г. отводили в тень вопросы о наших партийных нестроениях, что ярче всего отразилось на работах 9-го с'езда, настолько последовавшие в августе неудачи красного оружия—придали этим вопросам нежданно для многих и многих значительную остроту. Даже казенным оптимистам (вреднейшая категория рода человеческого) стало ясно, что у нас „что-то не так“. Недомогание партии, хроническое, прибавим мы, —обострилось. В чем же оно проявилось? На этот вопрос дает, правда, недостаточно полный ответ письмо Ц. К. всем партийным организациям (см. Известия Ц. К. № 21 от 4/IX с. г.) В этом письме говорится: „Центральный Комитет *считает своевременным* (подчеркнуто мною И. Ю.) обратить внимание членов нашей партии на некоторые нездоровые явления в нашей партийной организации, которые за последнее время все больше о себе дают знать.

В довольно многих партийных организациях вопрос о так называемых „низах“ и „верхах“ партии становится жгучим вопросом. Разобщенность все больше дает о себе знать, выливаясь иногда, как это было на некоторых губернских конференциях, в прямые конфликты.

Центральный Комитет полагает, что вопрос о „верхах“ и „низах“ приобретает жгучий характер в результате двух явлений: 1) сравнительно широкого наплыва мало-закаленных в

партийной дисциплине молодых членов партии, вступивших в наши ряды во время партийных недель, и 2) действительно неправильных и часто совершенно нетерпимых приемов работы, которые практикуют некоторые ответственные работники“.

Для подавляющего большинства членов нашей партии это письмо явилось неожиданностью не потому, что „нездоровые явления“ не были заметны, а вследствие слишком крутого перехода Ц. К. от игнорирования вопросов, касающихся внутреннего устроения партии, к постановке их ребром и к тому же в несколько, я бы сказал, нервной форме.

Не один член партии сказал по поводу этого письма с удовлетворением „какой с Божьей помощью поворот“.

Центральный Комитет, я это утверждаю, не имел в вопросах внутреннего строительства партии определенной, методически проводимой линии. Действия его в этой области носили случайный и, надо добавить, *вынужденный характер*. Ц. К. вынуждался не раз к постановке вопроса об оздоровлении партии. Таким *вынужденным* актом является и вышецитированное письмо. До тех пор, пока нелады в партии не приняли „беспокойной“ формы открытого недовольства со стороны некоторой группы членов партии, вопрос о наших нехватках для Ц. К. почти не существовал, а если и существовал, то это было тайною Ц. К.

Обратимся однако к письму Ц. К. Постановка самого вопроса в нем была сделана несколько неправильно. Ц. К. слишком заострил в нем вопрос о „верхах“ и „низах“. Несомненно, что это—жгучий вопрос, но суть нашего нестроения глубже—в наметившемся процессе перерождения партии в бездушный механически действующий иерархический аппарат. Еще на 8-м с'езде т. Зиновьев говорил, что наши партийные организации хиреют, что мы видим тенденцию заменить их „Комитетом“ и, констатируя это, он *указывал, что „необходимо все крупные вопросы партийной жизни обсуждать в широком кругу членов партии. Только тогда партия не захиреет“* (подчеркнуто мною И. Ю.). Лишь полтора года спустя после того, как были сказаны эти золотые слова (а мало их у нас говорилось!..), Ц. К становится под влиянием неприятных фактов на путь борьбы с признаками разло-

жения партии. Воистину „гром не грянет, мужик не перекрестится". Всемерно приветствуя хотя и запоздалую инициативу Ц. К. в деле оздоровления партии, мы не можем не отметить, что, очевидно, захваченный партийными трениями врасплох Ц. К., как это с ним случалось неоднократно, отдав дань импрессионизму, черезчур перегнул палку. На ряду с очень дельными практическими предложениями мы имеем в письме Ц. К. пункты, обнаруживающие известную растерянность и капитуляцию перед „анти-верхушечными" настроениями. Иначе нельзя назвать то место письма, в коем постановляется: „поручить Московскому Комитету партии произвести статистическое обследование материального положения и жилищных условий всех коммунистов г. Москвы и губернии с целью установления более одинаковых условий жизни для них".

Такое „обследование", ничего не давая по существу, будучи проведенным во Всероссийском мастабе или просто подхваченным некоторыми „местами", породило бы неимоверную склоку. Если бы мы не знали, что цитированное постановление подписано Ц. К. и преследует в высшей степени высокую цель оздоровления партии, мы сказали бы, что это просто-на-просто демагогия. Комиссия, избранная общепартийной конференцией (22—26/IX) не стала на подобный путь оздоровления партии. Не пошел по этому пути дальше Москвы и сам Центральный Комитет, утвердивший постановления конференции, в коих насчет „обследования" нет ни слова. Не вдаваясь сейчас детально в обсуждение мероприятий, намеченных Ц. К., о них ниже, когда будет идти речь о работах всероссийской конференции, мы не можем не приветствовать заключительные строки письма Ц. К.:

„Ставя этот вопрос перед всеми партийными организациями, Центральный Комитет уверен в том, что товарищи на местах с своей стороны разработают целый ряд строго деловых предложений, которые дадут нам возможность в кратчайший срок покончить с вышеуказанными нездоровыми явлениями в партии".

Письмо Ц. К. нашло довольно живой отклик в партийной прессе, при чем надо с удовлетворением констатировать, что товарищи, высказывавшиеся в печати, ставили вопрос на практическую почву. „Верхи и „низы" в узком смысле этого слова не стали „гвоздем партийного сезона". Нужно отметить,

что из рядов сколько-нибудь серьезных партийных работников не нашлось сторонников „борьбы с верхами". Были некоторые товарищи, „об'яснявшие и до известной степени оправдывавшие антипартийную линию тех, кто в увлечении договаривался до необходимости совершения „второй октябрьской революции".

Вопрос о „верхах" и „низах" получил известную остроту вследствие того, что массы из своей среды выдвигали крайне незначительное количество руководящих элементов вследствие чего многие „верхи" становились до известной степени кастой. „Обмен веществ", выражаясь языком химии, в рядах нашей партии совершался очень медленно. Приток новых сил ничтожен. Воспитание членов партии в самом плохом состоянии. „В этих условиях „низы", чувствующие, что им даже в Советской „своей, рабочей Республике" приходится быть на низших ступенях иерархической лестницы, естественно роптали на „генеральство" „старые порядки" и т. д. Многие товарищи-массовики забывали, что в Советской Республике, перефразируя известное изречение Наполеона: каждый коммунист и честный рабочий „носят в своем кармане мандат Наркома". Недовольство, вызванное сохранением некоторого неизбежного в условиях переходного момента неравенства среди членов партии, подогревалось тяжолым экономическим положением страны—голодом „массовиков", с одной стороны, и роскошеством, безобразиями многих верхушечников—с другой. Не надо забывать и того, о чем уже говорилось выше, что в нашу партию вошло много малосознательных, обывательски настроенных рабочих, коих к горю и стыду нашему мы не сумели превратить в сознательных коммунистов. Здесь еще надо добавить, что кроме них вошло не мало и подлинных обывателей.

XI.

На конференции вопрос о наших нехватках был освещен несколько поверхностно, не было дано достаточно глубокого анализа „истории" наших нехваток. Тем не менее со стороны статической картина была дана достаточно полная и яркая. В речи т. Зиновьева было не мало такого, что не так давно считалось ересью, что всячески отрицалось. Возьмем хотя бы вопрос о репрессиях Когда не раз так называемая „оппозиция" указывала на наличия и на недопустимость репрессий за инако-

мыслие, ответственные товарищи делали невинные глаза и, цепляясь за отдельные факты, опровергали „оппозиционеров". Ни для кого не секрет, что в результате постепенного отрыва Центра от масс в нашей партии не малую роль стала играть политика личного режима, личных усмотрений и т. д. и т. д. При смещениях работников, совершаемых зачастую по настоянию того или другого влиятельного партийного или советского чиновника, смещаемому почти никогда не сообщалось о мотивах этой операции. Выходило нечто в роде отставки по 3-му пункту. На конференции устами т. Зиновьева Центральный Комитет вынужден был гласно заявить: „я знаю, что имеют место и такие случаи, когда бывают репрессии при распределении, например, или мобилизации. Нужно, чтобы репрессия была обсуждена соответствующей инстанцией, когда человеку прямо сказано: ты провинился в таком-то деле, хочеш исправиться, работай столько и столько в таком-то месте. Против такой репрессии никто возражать не будет. *Против личного режима мы должны об'явить самую упорную борьбу*" (подчеркнуто мною И. Ю.).

Перечисляя поводы недовольств, имеющихся внутри партии, т. Зиновьев остановился довольно подробно на так называемой „военщине". Совершенно справедливо указав, что главная масса военных коммунистов терпит лишения наравне с красноармейцами и ничем не отличается от них в своем образе жизни—т Зиновьев привел ряд фактов, рисующих антипартийное поведение этой „военщины", о которой мною уже в свое время говорилось. Конференция была несомненно согласна с т. Зиновьевым, когда он вскрывал то, что уже давно было вскрыто, но она приветствовала его громом аплодисментов, когда он сказал те слова, которые говорились многими, но которые Ц. К. произносить не решался; эти слова следующие: „Прежде всего большая свобода критики внутри партии". Я не знаю, как себя чувствовал Ц. К., слыша аплодисменты этой декларации; надо думать, не черезчур приятно, ибо она означала не что иное, как осуждение прежней линии поведения Ц. К. в области нашей внутри—партийной жизни. В этом смысле *конференция открыла новую страницу в истории нашей партии* Сама постановка вопроса о свободе высказываний внутри партии в иных чем наши условиях казалась бы совершенно дикой. Но

если учесть, что нашей партии приходилось и приходится действовать в кошмарно тяжолых политических, стратегических и экономических условиях, что победа над врагами может быть достигнута лиш при условии точного безотказного исполнения „приказов", как по советской, так и партийной линиям; что монархические навыки „верхов" все более и более закреплялись по мере бюрократизации партии, по мере *замирания в ней политической жизни*, то мы поймем, что декларирование общепартийной конференцией свободы критики—есть факт большой важности. Критика в наших условиях должна, разумеется, быть осуществлена так, чтобы ею не срывалась воля партии и не расшатывалась дисциплина. „*Конференция до известной степени сняла осадное положение в нашей партии и стала на путь восстановления „конституционных гарантий"*".

XII.

Нужно отметить, что работы конференции были сильно скомканы и ей пришлось передоверить свои права комиссии, которая и приняла длинный ряд решений „по вопросу об «очередных задачах партийного строительства".

В числе этих решений есть одно крайне важное с точки зрения борьбы с бюрократизацией партии. Я имею в виду пункт 7 резолюции о партийном строительстве, который гласит следующее: „Для прекращения раздробления специальных организаций (политотделы и т. д.), для фактического об'единения Губкомами всей партийной работы в пределах данной территории—поручить Ц. К. выработать к следующей конференции или к с'езду план вышеуказанного об'единения партийной работы". Это постановление, если только оно, чего я не смею предполагать, не останется на бумаге, сулит нашей партии, быть может, в недалеком будущем возврат к нормальной, планомерной партийной работе.

Правда, в цитированном мною пункте речь идет только *о выработке плана* „об'единения партийной работы", но как бы то ни было вопрос о преодолении политотдельщины поставлен в порядке дня работ партии и снять его, несомненно, уже не удастся. Характерно, что Ц. К., в рядах коего есть очень горячие сторонники насаждения политотделов, утвердил указанный выше пунт 7-ой резолюции.

Говоря о политотделах, никак нельзя пройти мимо той своеобразной аргументации, которая приводится в их защиту.

Так, например, тов. Крестинский, отвечая на ядовитый вопрос одного из делегатов на счот „политдонбасса" заявил: „Мне, товарищи, подсказывают: Политдонбасс. Я скажу, что поскольку существовал Главполитгуть и Политвод, это было вызвано определенными причинами слабости, неприспособления к выполнению поставленных задач, необходимостью укрепления дисциплины".

Здесь в очень туманной форме высказана весьма важная и, по моему мнению, пагубная мысль; она сводится к тому, что „партийный аппарат, как таковой, в его *нормальной форме*— не приспособлен к выполнению поставленных задач". Задачи эти нам всем известны, они заключаются в могучем нажиме на главных пунктах трудового фронта.

Тов. Крестинский, утешая конференцию на счет того, что придется видимо создавать и Сибирский Политуголь, обосновал необходимость создания таковего тем, что „Всероссийский Союз горнорабочих существует всего полгода, ему очень трудно поставить надлежащим образом работу на местах".

Не беремся оспаривать сообщения на счот слабости союза горнорабочих, но совсем непонятным становится, почему мы должны создавать злополучный политуголь. *Не проще ли усилить союз горнорабочих достаточным кадром закаленных, дисциплинированных военных работников.* Но ход рассуждения Ц. К. совсем иной и, по его мнению, надо оставить слабый союз таким, как он есть; на ряду с ним создать „политуголь" или „политщепку", и только потом, когда „полит" будет создан, ликвидировать его, влив в союз. Совершенно непонятно, зачем и кому нужно это политотдельское чистилище. Но послушаем самого тов. Крестинского. Он говорит: „Ц. К. будет вынужден создать Главполитуголь, *и это* (подчеркнуто мною И. Ю.), как показал опыт Главполитпути и Главполитвода, будет наилучшим и верным способом поставить на ноги соответствующие профессиональные союзы, потому что те работники, которые будут даны в этот Главполитуголь,— а под давлением ударности этого производства, под давлением потребности угля, которая сейчас ощущается, эти работники будут даны,—перейдут в местные и центральные органы всероссийского союза

горнорабочих, и мы получим укрепление этого союза и уничтожение этого Главполитугля, как отдельной организации". В этом рассуждении явно не связаны концы с концами. Получается нечто в роде „не бывать бы счастью, да несчастье помогло".

Выходит так, что „под давлением ударности этого производства, под давлением потребности угля" работники будут даны... „в этот Главполитуголь". Спрашивается, почему они не могут быть даны Профсоюзу, ведь ударность производства —величина постоянная и не меняется в зависимости от формы организации, оперирующей в этом производстве. Профсоюз, хотя и слаб, но он существует; Главполитуголь лишь в прожекте. На счот того, что „показал опыт" деятельности политотделов, можно многое сказать, и едва ли партийная конференция разделила бы оптимизм т. Крестинского в этом вопросе. Тем не менее Политотделы пользуются еще в некоторых кругах нашей партии значительным, хотя и поколебленным кредитом, и несомненно на этой почве произойдет не одно, выражаясь словами т. Зиновьева, „кровопролитие".

Довольно важным решением конференции является и то, которое „подтягивает" некоторых „онаполеонившихся" военных работников. Я сказал бы, что решения *конференции по этому вопросу и решительный тон, взятый ею против безобразий и озорства, уже дали свои практические результаты.* По ряду обстоятельств нахожу *несвоевременным* приводить факты, подтверждающие вышесказанное.

Считая излишним оценивать *все* постановления конференции, я полагаю, что надо поставить вопрос о том, как вела себя на ней так называемя оппозиция, а главное, что она „пред'являла". Общий тон критики наших нехваток был достаточно деловой, и никакого „кровопролития" в этом смысле на конференции не проистекло. Об'ясняется это как тем, что конференция собралась в очень тяжелый для партии и революции момент, повелительно требующий максимальной сплоченности наших рядов, так и, главным образом, тем, что Ц. К. взял правильную „тактическую" линию. Не было никакого замазывания вопросов, и *казенный оптимизм уступил место трезвому, реальному учоту того, что происходит внутри партии.*

Выступавший в качестве содокладчика от „оппозиции" т. Сапронов никакой особой линии в вопросе об оздоровлении партии не наметил и прямо начал с заявления, что: „Я выступаю не для того, чтобы предложить другие тезисы, так как окончательных тезисов, как говорил Зиновьев, здесь нет. Тов. Зиновьев прав, когда указывает, что у нас в партии разногласий принципиальных и никаких не существует, а имеются ручейки, иногда собирающиеся вместе по отдельным вопросам".

Останавливаться на общеизвестных и уже указанных многими не раз нехватках в нашей партии, повторенных т. Сапроновым, едва ли имеет смысл. Но в связи с заявлением о „ручейках" и о нашем единстве позволительно поставить себе коренной вопрос: есть ли в нашей партии оппозиция? Если приглядеться внимательно к нашим с'ездам, то как будто бы есть и как будто бы нет. Линии, принципиально выдержанной и в качестве таковой отчетливо противопоставленной линии Ц. К., а следовательно и большинства партии, у нас нет. Но я полагаю, что делать оптимистические выводы из того факта, что вместо оппозиции в партии имеются лишь „ручейки", иногда собирающиеся вместе по отдельным вопросам, не приходится. Тем хуже для партии, что у нас нет выдержанной оппозиции, а слишком много „ручейков"; обилие их показывает, что стихийное недовольство налицо, и это же обилие затрудняет борьбу с ним. Тов Зиновьев в своем докладе сказал, что партия ищет Ц.К., я позволю себе, перефразировав это выражение, сказать: *партия ищет свою оппозицию.* Если присмотреться хотя бы к дебатам по отчету Ц.К. на 9-м с'езде, то мы увидим, из каких разнообразных элементов слагалась „оппозиция". Здесь были профессионалисты, затем, недовольные организационной линией Ц.К. и, наконец, очень слабо представленные *бессознательные* махаевцы.

Все это „ручейки". Создание оппозиции в партии неизбежно, но нужно признать, что обстановка напряженного состояния, в котором теперь находится революция и партия, сдерживает во имя единства, а стало быть и победы—центробежные силы внутри партии. Тем сильнее будет кризис после того, как мы перейдем на „мирное положение". Из этого кризиса партия несомненно выйдет с честью, выйдет очистившейся и более сильной, чем когда бы то ни было.

XIII.

Пути к оздоровлению партии Всероссийская конференция, этого нельзя отрицать, в общем наметила: нам нечего особенно обольщаться на счот возможности найти радикальные средства лечения наших партийных недугов. Полагать, что резолюция об „очередных задачах партийного строительства" является таким средством—значит не понимать глубины корней наших нестроений. Несмотря однако на то, что в резолюции слишком много словесности и не мало совершенно определенных паллиативов—надо признать, что проведение ее в жизнь не только замедлит или остановит процесс разложения, заметившийся в партии, а и даст более реальные результаты.

Говоря о путях, намеченных конференцией, нельзя не сказать пару слов о прожектах незначительной группки товарищей выдвигавшей в качестве целительного бальзама идею „орабочения" советского государства и органов партии. Такое „орабочение"—как мыслил себе, напр., т. Медведев—в виде обязательного предоставления рабочим половины мест в Губкомах—в самом лучшем случае является вредным фантазерством. Нельзя механизировать партию и нечего делать из рабочего какого-то кумира. Рабочий—основа ее. Естественно, что по мере развития масс—процесс орабочения будет совершаться все быстрее и быстрее.

Такой естественный ход „орабочения" государства и партии должно только приветствовать, но видеть спасение в том, что, скажем к примеру, вместо пяти хороших, преданных коммунистов-интеллигентов членов Губкома вы посадите столько же неподготовленных рабочих—это, извините, не „орабочение", а издевательство над рабочим же и здравым смыслом в первую очередь. Отдельные голоса, вопиявшие об „орабочении", были слышны еще во время 8-го с'езда; на 9-м об этом говорилось уже громче. На последней конференции, если мне не изменяет память, таких голосов, кроме голоса тов. Медведева, не было. Я не говорю о тов. Лутовинове, который сердился и пугал Ц. К. чуть ли ни „прямым действием низов".—Не в том беда, что тов. Медведев или ещо кто-либо другой хотят „орабочения"; беда в том, что эти лозунги подхватываются порою теми, кто видит все зло нашей партии в „верхах", и антиверхушечное

настроение сливается воедино с антиинтеллигентским. Трактование „верхов“ и интеллигенции, как двух самостоятельных категорий, не заключает в себе ничего странного. „Верхи“ партии и в хорошем, и в плохом смысле этого слова не являются по своему классовому составу однородными. „Верхи“—это амальгама партийной интеллигенции и рабочих. Яд бюрократизма отравляет сплош и рядом как рабочего, так и интеллигента.

Линия на механическое „орабочение“, если бы она начала проводиться в массах, должна была бы встретить со стороны партии самый жестокий отпор, ибо ни к чему другому, как к сугубейшему развалу партии и жесточайшим склокам она не привела бы. Элементы стыдливой махаевщины, махаевщины в потенции—несомненны в рассуждениях некоторых наших старых товарищей, когда-то работавших на фабриках и заводах.

XIV.

Уроки непрерывно нарастающих из'янов в нашей партии за последние полтора года и работа сентябрьской партийной конференции не должны для нас бесследно пропасть. Партия обязана линию, намеченную конференцией, провести во что-бы то ни стало. Будет величайшей ошибкой, если мы, вылив на волны начинающей подыматься стихии недовольства и протеста масло в виде прекрасных пожеланий, успокоимся и скажем себе: „гроза прошла—солнышко воссияло и снова тишь да гладь“.

Глубоко был неправ тов. Крестинский, когда рассуждал следующим образом (его доклад по организационному отчоту Ц. К.): „период, который пройдет между этой конференцией и партийным с'ездом, будет периодом, в котором эти трения будут не нарастать, а сглаживаться и дадут возможность нашему партийному с'езду снять этот вопрос с обсуждения так же, как мы имели возможность снять с порядка дня многие вопросы, которые исчезли за 5 месяцев в промежутке между с'ездами и которые разрешила наша партия на 9-м с'езде“.

Вполне разделяя с тов. Крестинским его пожелание о том, чтобы трения внутри партии не нарастали, а сглаживались, я никак не могу согласиться с тем, чтобы следующий партийный с'езд „снял этот вопрос с обсуждения“ так же, как это было сделано с рядом других вопросов. Если понимать „этот вопрос“ лишь как вопрос о „трениях“—тогда может быть тов. Крестинский и будет прав, но если видеть в нем нечто более глубокое, чем эпизод и неприятную случайность, то этот вопрос—вопрос об оздоровлении партии, не только нельзя будет „снимать“ с порядка дня, а как раз наоборот, надо использовать время, имеющееся в нашем распоряжении для того, чтобы Ц. К. мог пред'явить на с'езде хорошо продуманную программу мер, направленных к тому, чтобы партия в 1921 году приближалась по своей внутренней силе к той партии, что в октябре 1917 года взяла власть в свои руки.

Время, остающееся нам до новой конференции или партийного с'езда, надо употребить на то, чтобы опытом подтвердить правильность линии, взятой конференцией. Официальное, внешнее благополучие не должно скрывать от глаз Ц. К. истинного состояния партии. Зоркий глаз Центрального Комитета должен видеть все, что творится в самых заброшенных уголках нашей партии. *На будущем с'езде или конференции мы вправе ждать от Ц. К. делового доклада о том, что им сделано в исполнение постановлений, им же санкционированных.* На три вопроса в резолюции об очередных задачах партийного строительства должно быть обращено самое пристальное внимание Центрального Комитета: *первый—это вопрос об агитации и пропаганде.* О нем говорится и в указанной резолюции, и в резолюции по организационному отчоту Ц. К. Задача ставится Центральному Комитету двойная: 1) *об'единить* агитационно-пропагандистскую работу в одном Центре и 2) *наладить* эту работу. Если мы вспомним, что на 8-м с езде Ц. К. ничего не мог доложить об этой важнейшей работе; что на 9-м признал, что работы почти нет, а на сентябрьской конференции заявил, что отдел агитации и пропаганды *лишь налаживается*, то нам станет совершенно понятной жуткая картина коммунистической безграмотности партийных масс. Новый член партии, не усвоивший коммунистического учения, разлагается так же быстро, как боевая армия, вынужденная бездействовать. Никак нельзя согласиться с рассуждениями тов. Преображенского, который, признавая правильность указаний на слабость агитационно-пропагандистского отдела, заявил, что „у нас в агитационном отделе работников почти нет. Для того, чтобы усилить работу этого отдела, нам пришлось бы 5—6 Губкомов лишить руко-

водящих сил. Мы старались обойтись экономно, не трогая товарищей с мест". И далее еще лучше: „если нужно взять силы для того, чтобы агитационный отдел поставить на высоту, тогда Губернский Комитет не должен плакать, если он лишится лучших работников. Надо сказать на все это, что 1) пусть лучше пять-шесть Губкомов будут ограблены, чем вся партия будет без руководящего органа; наконец, можно пощипать не только 6 Губкомов, а провести, так сказать, принцип уравнительного ощипывания и 2) мягкосердечие—не всегда добродетель. Кое-какие признаки говорят за то, что агитационно-пропагандистская работа возможно будет сдвинута с мертвой точки. Первый блин—я имею в виду издание „Вестника агитации и пропаганды"—не вышел комом. Линия журналом намечена правильно. Подход к вопросам разумный, а главное—практический. Желательно, чтобы „Вестник" не превратился в толстый, научный журнал. Если это произойдет, то актуальности его ставьте крест, а в ней вся соль подобного журнала.

Второй вопрос сугубо важный—это *„свобода критики"*, возвещенная т. Зиновьевым (см. пункт 9-й резолюции). В ней говорится следующее:

„Необходимо во внутренней жизни партии осуществить более широкую критику, как местных, так и центральных учреждений партии". Суть дела, разумеется, не только в „критике", а в свободе высказываний. Я полагаю, что было бы очень хорошо, если бы Ц. К. указал циркуляром не только „способы расширения внутри—партийной критики *на общих собраниях*" (подчеркнуто мною И. Ю.), но и *способы, вернее, права печатной критики*. „Дискуссионные листки"—это лишь одна сторона вопроса о свободе критики и ограничиваться ими, разумеется, нельзя.

Третий вопрос—это вопрос о политотделах. Необходимо, чтобы Ц. К. *провел несколько хорошо организованных ревизий деятельности наиболее важных политотделов.* Тогда разговоры об „опыте" Главполитпути, Главполитвода стали бы на более конкретную почву. Эти ревизии дали бы Центральному Комитету богатый материал для выработки плана об'единения Губкомами партийной работы на данной территории.

Указанные три вопроса являются по моему мнению основными. Если члены нашей партии будут коммунистически вос-

питаны, если они получат и воспользуются свободой высказываний по вопросам партийной жизни, как на собраниях, так и в печати, и если, наконец, их не будут мариновать по политотделам, а придет конец удельному периоду в истории нашей партии, тогда мы сможем сказать: да, оздоровление началось; да, у нас единая партия, единая не только в смысле общей политической линии, а и организационно.

Преодоление „бюрократизма", трений между „верхами" и „низами" станет задачей более легкой, чем теперь. Но главное, товарищи,—этим я и хочу закончить брошюру: *будем помнить о партии: проводя в жизнь решения конференции, поставим себе ясную цель: на первом же общероссийском с'езде нашей партии—снова выдвинуть и обсудить еще более тщательно, чем на сентябрьской конференции, вопрос о „задачах организационного строительства партии".*

И. Юренев.

Курск
19-го октября 1920 года.